

На Равнине Белых Костей нет дорог.

Поверхность под ногами серовато-белая, каждый шаг отзывается сухим и хрупким хрустом, словно наступаешь на кости, пролежавшие на солнце много лет. По правде говоря, скорее всего, так оно и было.

Шэнь Цзинчжэ шёл впереди, его ржавый меч уже полностью обнажил клинок. Освободившееся от ржавчины лезвие в лучах полуденного солнца отливало холодным синеватым блеском, и с каждым шагом по нему расходятся едва заметные круги ряби — это был признак того, что меч переполнен ци. Лю Руянь шла рядом со мной, в её руке была зажата горсть серебряных игл, кончики которых, искупанные в каком-то целебном отваре, слабо мерцали фиолетовым светом.

Ворон летел впереди, его чёрная фигура резко выделялась на серовато-белой земле. Он летел быстро, но через равные промежутки времени опускался на какой-нибудь торчащий из земли обломок кости, ожидая нас, а его тёмно-красные глаза мерцали в полумраке.

Чем дальше мы углублялись внутрь, тем темнее становилось небо.

Полуденный свет словно фильтровался чем-то, оставляя лишь болезненный серовато-белый оттенок. В воздухе висел странный запах — не гниения, а чего-то более древнего и иссохшего, напоминающего комнату, которую три тысячи лет не проветривали.

Вокруг становилось всё больше костей. Некоторые из них всё ещё сохраняли человеческие очертания: свернувшись калачом, лежа навзничь, протянув руки, они застыли в причудливых позах. Ещё больше их рассыпалось в прах, смешавшись с серовато-белым песком и землей так, что уже невозможно было отличить, где кость, а где камень.

— В той битве три тысячи лет назад, — голос Лю Руянь звучал очень тихо, — сколько же людей погибло?

— В исторических записях говорится о ста тысячах практиков, — Шэнь Цзинчжэ не обернулся.

— Сто тысяч практиков... — Лю Руянь опустила взгляд на кости под ногами. — Здесь их далеко не сто тысяч.

Никто не ответил.

Потому что каждый видел: цифра в исторических хрониках была ложной. Эта Равнина Белых Костей простиралась на тысячу ли, и везде, куда хватало глаз, виднелись лишь кости. Тела ста тысяч практиков не смогли бы покрыть столь обширную территорию. Реальная цифра могла составлять триста тысяч, полмиллиона или даже больше.

Прошло три тысячи лет, а их кости всё ещё здесь. Никто не предал их тела земле, никто не совершил поминовения, и даже их имена никто не помнит. Осталось лишь одно — обида.

Эта злоба просачивалась из каждой кости, словно бледно-серый туман, тонкими нитями устремляясь к тому уходящему в небо столбу чёрной ци. Вся зловещая энергия на Равнине Белых Костей текла в одном направлении, словно привлечённая какой-то неведомой силой.

Нет — не привлечённая. Подавленная.

Я внезапно всё понял. Обида не собиралась сама по себе, это тот человек в чёрном втянул её в себя. Он взвалил на свои плечи злость со всей Равнины Белых Костей, не позволяя ей распространиться наружу.

Один человек нёс на себе бревно из сотен тысяч жизней, оборвавшихся три тысячи лет назад.

Как он вообще этого добился?

Ворон вдруг издал пронзительный крик, взмахнул крыльями и стремительно понёсся вперед. Я поднял голову, и моё сердце пропустило удар.

Столб чёрной ци находился всего в трёхстах чжанах впереди. Прямо под ним, на холме из нагромождённых костей, чётко вырисовывалась та человеческая фигура.

Он всё так же стоял.

Одна его рука была высоко поднята с кистью, синеватый свет на кончике которой то разгорался, то затухал среди клубящихся чёрных потоков. Цепи, сотканные из чёрной ци, омотали его целиком: ноги, пояс, грудь, шею, и даже запястье руки, державшей кисть, было опутанé тремя витками. Цепи медленно сжимались, и с каждым дюймом сужения синеватый свет на кисти мерк ещё на долю.

Но уголки его губ действительно были тронуты улыбкой.

С этого расстояния уже можно было различить его черты. Чёрный плащ давно превратился в лохмотья, обнажая такую же рваную белую нижнюю одежду. Его волосы распустились и были серовато-белыми — совсем не старческой белизной, а цветом иссушенного, лишённого жизненной силы дерева. Лицо его было осунувшимся, скулы выступали, глазницы глубоко запади, но глаза горели.

Таинственным блеском, которого никак не должно быть у человека на пороге смерти.

Он посмотрел на нас, и его губы шевельнулись.

Расстояние было слишком велико, и слов было не расслышать. Но ворон ответил за него — опустившись на его плечо, он повернулся к нам и издал хриплый каркающий звук.

— Пришли.

Этот старый, сухой голос раздался снова, но на этот раз не из клюва ворона. Его принесло ветром со стороны того облачённого в чёрное человека.

Триста чжанов.

Я сделал шаг и побежал. Кости под ногами хрустели, каждый шаг отдавался так, будто ступаешь по чему-то запретному. Я не знал, что скажу ему при встрече, я лишь знал, что он держался слишком долго, а мы пришли слишком поздно.

На полпути сгусток чёрной ци внезапно вырвался из трещины в земле и прямо помчался на меня. Я не успел среагировать, как меч Шэнь Цзинчжэ уже оказался на месте. Бирюзовый свет клинка промелькнул у меня возле уха и столкнулся с чёрной ци. Та раскололась надвое и с пронзительным визгом растворилась в воздухе.

— Смотри под ноги, — Шэнь Цзинчжэ убрал меч. Его тон был ровным, но аура клинка стала ещё мощнее, чем прежде. Ржавчина на том мече осталась лишь крошечным пятнышком на самом кончике, а лезвие синело, словно небо после дождя, и из самой глубины клинка при каждом взмахе доносился глухой раскат грома.

Я побежал дальше. Лю Руянь и Шэнь Цзинчжэ неотступно следовали за мной; то тут, то там из трещин вырывались потоки чёрной ци, пытаясь атаковать нас, но Шэнь Цзинчжэ неизменно рассекал их одним ударом. Он не просто сражался — он прокладывал мне путь своей силой.

При приближении к костяному холму концентрация злобы достигла своего пика. Воздух стал густым и вязким, каждый вдох ощущался как глоток ледяной крошки, до боли обжигающий горло. Температура вокруг резко упала, и выдыхаемый воздух превратился в белые клубы пара.

Наконец я разглядел его лицо.

Из-под серовато-белых прядей волос выглядывало исхудавшее до прозрачности лицо. Высокие скулы, глубокие глазницы, потрескавшиеся до крови губы. Но те глаза — те самые тёмно-красные глаза, что бесчисленное количество раз являлись мне двенадцать лет назад на берегу Восточного Моря, десять лет назад в затылочной части гор Секты Лазурного Облака, пять лет назад в чащобах Южных Границ — сейчас тихо и спокойно смотрели на меня со слабой улыбкой.

Точь-в-точь как у ворона.

— Пришли? — произнёс он.

Его голос звучал так хрипло, будто две наждачные бумаги терлись друг о друга, но тон был донельзя спокойным — так, будто мы просто договорились вместе позавтракать.

— Пришли, — ответил я.

После этого я не знал, что сказать. Мне хотелось спросить: кто ты, почему ты спас меня, почему спас Шэнь Цзинчжэ, почему три месяца нёс на себе тяжесть Равнины Белых Костей, почему улыбаешься, когда уже умираешь? Но все слова застряли в горле, не позволяя вымолвить и звука.

Он заговорил за меня.

— Я знаю, у тебя много вопросов, — он кашлянул, и из уголков его рта сочилась струйка тёмно-алой крови. — Но времени мало. Эти цепи... — он опустил взгляд на опутывающую его чёрную ци, — почти добрались до сердца. Поэтому я говорю, а ты слушай.

— Сначала мы вытащим тебя отсюда...

— Не вытаскивайте, — перебил он меня. — Эти цепи — сгустки злобы, обиды трёх тысяч лет. Их не разрубить, не сжечь, их можно удерживать лишь силой собственной воли. Стоит мне отпустить руки, как эта злоедающая энергия мгновенная захлестнёт пространство на тысячу ли вокруг. Цинчжоу пострадает первым.

Он замолк на мгновение и посмотрел на меня с безмятежностью, словно рассуждал о погоде.

— Поэтому я не могу уйти.

Лю Руюнь догнала нас сзади, услышав это, её лицо побледнело.

— Что это значит? Ты велел нам прийти только для того, чтобы мы посмотрели, как ты умираешь?

— Нет, — человек в чёрном посмотрел на неё, и в его тёмно-красных глазах мелькнуло мягкое выражение. — Я позвал вас, чтобы перед смертью сказать то, что должно быть сказано.

Шэнь Цзинчжэ стоял позади меня и молчал. Его меч по-прежнему был в руке, но грохот на лезвие утих. Не затих — рассеялся. Его рука дрожала.

Рука Демона Меча дрожала.

— Ты, — человек в чёрном внезапно перевёл взгляд на него. — Подойди.

Шэнь Цзинчжэ не шелохнулся.

— Подойди, — повторил он тише, но в голосе прозвучало нечто непререкаемое.

Шэнь Цзинчжэ шагнул вперед. Он остановился у подножия костяного холма, задрал голову и глядя на человека, опутаного чёрной дымкой. Их взгляды скрестились: один — тёмно-красный, другой — чернильно-чёрный.

— Десять лет назад у обрыва, — произнёс человек в чёрном, — пилюля, которую я тебе скормил, называлась Пилюля Продления Жизни. Гроши цена, в любой лавке на улице по три монетки за штуку.

Зрачки Шэнь Цзинчжэ едва заметно сузились.

— Та пилюля могла лишь остановить кровь, но не залечить раны. Ты выжил не из-за меня, а потому что сам хотел жить. В восемь лет, когда твой клан был вырезан, учитель предал тебя, а ты сорвался в пропасть в ожидании смерти — твоя воля к жизни оказалась куда полезнее той пилюли.

Продолжая говорить, человек в чёрном закашлялся ещё сильнее, исторгая новые порции крови. Но он не останавливался.

— Когда я нашёл тебя, ты уже пропал тридцать чжанов земли. Твои пальцы стёрлись до костей, но ты всё ещё полз. Тогда я понял: этому ребёнку не нужен спаситель, ему нужна причина.

Он склонил голову, глядя на Шэнь Цзинчжэ.

— Позже я велел ворону следить за тобой. В десять лет ты с боем ворвался в Секту Вэньцзянь, в пятнадцать — в одиночку прорвался в Бездны Демонов, в двадцать — стал Демоном Меча. Я наблюдал за каждым твоим шагом. Не для того, чтобы узнать, как далеко ты зайдёшь, а чтобы увидеть, не станешь ли ты таким же, как твой учитель.

— Я не стал, — хрипло отозвался Шэнь Цзинчжэ.

— Я знаю, — улыбнулся человек в чёрном. — Поэтому я велел ворону сказать тебе, чтобы захватил с собой миску вонтонов.

Он извлёк из глубин разорванного плаща пару палочек для еды.

— Демон Меча, умеющий готовить вонтоны — над этой шуткой я буду смеяться всю жизнь.

Обычные бамбуковые палочки, тщательно вымытые, завернутые в белый лоскут ткани и спрятанные у самого сердца. Он в одиночку сдерживал неисчислимую злобу на Равнине Белых Костей три месяца, каждую секунду рискуя умереть, но в его груди лежали палочки для еды.

Потому что ворон передал ему: спасенный им культиватор меча открыл лавку вонтонов. Он ждал эту миску вонтонов целых десять лет.

Шэнь Цзинчжэ достал из пространственного меча ту самую миску.

По дороге суп расплескался почти наполовину, а вонтоны давно остыли. Но зелёный лук остался, и аромат свинины с зеленью никуда не исчез. Рука Шэнь Цзинчжэ, державшая чашку, дрожала — рука Демона Меча, чья рука никогда не дрожала при виде клинка, сейчас не могла удержать простую миску с вонтонами.

— Начинка из свинины и грибов, — произнёс Шэнь Цзинчжэ. — Луку положено меньше.

Человек в чёрном принял чашку, подцепил бамбуковыми палочками вонтон и отправил в рот.

Он долго жевал, а затем произнёс:

— Солоновато вышло.

Шэнь Цзинчжэ приоткрыл рот, его кадык судорожно дёргался вверх-вниз, пока наконец из него не вылетели всего два слова.

— ...В следующий раз положу меньше соли.

Он съел ещё один вонтон и опустил миску. Не потому, что больше не хотел, а из-за того, что чёрные цепи уже почти добрались до ключиц, его руки колотила крупная дрожь, и палочки уже не удавалось удержать.

— Всё, — он поставил миску, поднял на меня взгляд, и его тёмно-красные глаза вдруг ярко вспыхнули — ярче, чем когда-либо прежде. Предсмертное озарение. Я видел подобный взгляд у старейшин нашей секты на исходе их лет. Это был не страх, а чёткое понимание: осталось недосказанное, и ради этого нужно собрать последние силы.

Меня зовут Сюй Ань, и стоило мне стать Конфуцианским Мудрецом, как меня тут же изгнали из учительской обители. Я думал, что самым абсурдным в моей жизни было то, как Небесный Путь исполнил мои слова подобно императорскому указу, но сейчас я стоял на холме из костей перед умирающим человеком в чёрном. Собрав остатки сил, он посмотрел на меня и произнёс

первую фразу: «Ты так похож на своего отца». После этого Лю Руюнь прикрыла рот рукой, Шэнь Цзинчжэ резко вскинул голову, а я замер на месте с абсолютно пустой головой.

Он знал моего отца. Нет — он сказал, что я похож на отца. Это значило не то, что он просто «знал» его, он видел моего отца в молодости. Какой человек мог застать отца в юные годы?

— Ты... — голос охрип. — Кто ты такой?

Человек в чёрном не ответил прямо. Он распахнул рваный воротник, обнажая нефритовый кулон на красном шнурке, свисавший с шеи. На нём был вырезан иероглиф «Сюй». Не обычный иероглиф «Сюй» из простого языка, а древнее конфуцианское написание, точь-в-точь совпадающее с начертанием на старинных бамбуковых свитках в Павильоне Свитков Секты Лазурного Облака. И точно такой же иероглиф вспыхивал золотым сиянием в день моего вознесения в лике Святого.

Его фамилию тоже звали Сюй. И его фамилия Сюй. И моя фамилия Сюй.

Заметив моё оцепенение, он улыбнулся. Улыбка вышла слабой, но от исхудавшего лица выглядела до боли скорбной.

— В детстве ты звал меня дядюшка Ци. Твой отец — мой третий брат. Моё имя — Шэнь Цзинчжэ... то есть, Шэнь... нет, Сюй Мо. Это имя громом ударило мне в голову. Сюй Мо. Дядюшка Ци. Дядюшка Ци. Дядюшка Ци.

— У меня нет дядюшки Ци, — услышал я собственный голос, доносившийся словно издалека. — Мой отец был единственным сыном. Так говорил Учитель.

— Твой учитель солгал тебе, — спокойно проговорил Сюй Мо — дядюшка Ци. — У твоего отца были братья. В семье Сюй нас было семьдесят два человека, твой отец шёл третьим, я — седьмым. В том пожаре восемнадцать лет назад твои родители сунули тебя мне в руки и велели бежать. Тебе тогда едва исполнился год, ты ничего не помнишь. Я бежал с тобой на расстояние в десять тысяч ли и в конце концов оставил у ворот Секты Лазурного Облака. Я трое суток стоял на коленях, вымаливая твоего учителя взять тебя. Он согласился принять тебя учеником, но с одним условием — я должен был уйти и больше никогда не появляться перед твоими глазами. Потому что враги семьи Сюй были слишком сильны, настолько сильны, что даже Секта Лазурного Облака не осмелилась бы с ними связаться.

Он дважды кашлянул, из уголков рта хлынуло ещё больше темно-красной крови, но он продолжил, и каждое слово давалось ему ценой последних усилий, вырываясь из самой глубины горла.

— Каждый год после моего ухода я тайком возвращался на твой день рождения. В шесть лет у тебя выпал передний зубок, в семь ты объелся пилюль и три дня просидел с животом, в восемь — спас в тыловых горах Шэнь Цзинчжэ. К тому обрыву тебя привёл я. Я знал, что там умирает

ребёнок, и знал, что ты поможешь. Потому что ты — из рода Сюй. Люди из рода Сюй не могут спать спокойно, если прошли мимо чужой беды.

В моей голове словно что-то взорвалось.

Выпавший в шесть лет зуб. Украденные в семь лет пилюли. Спасённый в восемь лет Шэнь Цзинчжэ. Всё это знал только я сам, об этом не ведал даже Учитель. А он знал всё. Потому что он всегда был рядом. Всегда.

— Почему ты не признал меня? — мой голос прозвучал чужо, будто кто-то говорил за меня.

— Потому что я умирал, — произнёс он. — Если бы ты меня не знал, после моей смерти для тебя исчез бы незнакомец. А если бы ты признал меня... — он опустил взгляд на всё сильнее затягивающиеся на его теле путы чёрной ци, — тебе пришлось бы смотреть на мою смерть.

Его глаза покраснели. Не от крови — от слёз.

— Я не хотел, чтобы ты видел гибель близких людей, — сказал он. — Ты уже видел это однажды.

Пожар в годовалом возрасте. У меня не осталось никаких воспоминаний, но тело их помнило. Иногда, просыпаясь посреди ночи с бешено бьющимся сердцем и залитый холодным потом, я не понимал почему. Учитель объяснял это слабостью телосложения, но на самом деле то был след, оставленный родителями, которые прижимали меня к груди дядюшки Ци среди ревающего пламени. Ребенок годовалого возраста, наблюдавший, как его родители исчезают в огне — он не запомнит картинку, но его тело пронесет этот ужас сквозь всю жизнь.

— Довольно, — внезапно произнесла Лю Руянь. Шагнув вперед и встав рядом со мной, она сжала мою дрожащую руку с невероятной силой. — Дядюшка Ци, — обратилась она к Сюй Мо, голос её дрожал, но слова звучали жёстко, — ты продержался три месяца вовсе не для того, чтобы умереть у нас на глазах. Говори быстрее, что нужно, а потом мы найдём выход. Мой соученик только что перевернул волю священного указа, он может идти сюда, даже хромая — если ты сейчас сдашься, как ты согласишься ему в глаза за те усилия?

Сюй Мо замер. Затем он улыбнулся — искренне, пусть и с потрескавшимися, окровавленными губами, но его тёмно-красные глаза лучились теплом.

— Ты ведь Лю Руянь, верно? — спросил он. — Ворон рассказывал мне о тебе. Первая красавица Секты Лазурного Облака, чей язык острее меча. — Он перевёл взгляд на Шэнь Цзинчжэ: — Хороша.

Кончики ушей Шэнь Цзинчжэ покраснели. То был слабый розовый оттенок, но на вечно каменистом лице Демона Меча этого хватало с лихвой, чтобы спустя десять лет Лю Руянь

неизменно заходилась смехом при одном упоминании об этом.

Сюй Мо протянул миску обратно.

— Вонтоны я съел, очень вкусно. Теперь оставшиеся два дела, которые я должен поручить вам.

Он отбросил улыбку, и его тёмно-красные глаза сурово уставились на Шэнь Цзинчжэ:

— Первое. Твой учитель — тот самый мой предавдивый соученик — всё ещё жив. Когда-то он вырезал твою семью ради владения мечом, действовав по чьему-то приказу. Силы, стоящие за ним, огромны, способны закрыть небо одной ладонью. Мне не удалось выяснить, кто они, но я оставил тебе кое-что.

Из потайного кармана рваного плаща он достал чёрный жетон размером с ладонь, материал которого было трудно определить, а на поверхности темнел отпечаток ладони.

— Я отнял его у него. С помощью этого жетона можно отыскать его логово. Чтобы активировать отпечаток, требуется клинок Демона Меча.

Шэнь Цзинчжэ взял жетон, его лицевые мышцы напряглись так, будто были отлиты из железа. Долгое время он молчал, после чего выронил:

— Ты ещё десять лет назад знал, что он твой соученик.

— Да.

— Ты преследовал собственного соученика ради незнакомого ребёнка.

— Не преследовал, — поправил Сюй Мо. — Очищал ряды клана.

Произнося эти четыре слова, его тон остался бесстрастным: ни гнева, ни торжества, лишь констатация факта.

Шэнь Цзинчжэ опустил глаза на собственный меч. На синем клинке, полностью очищенном от ржавчины, отражалось его лицо. На этом лице никогда не отражались эмоции, но сейчас отражение на мече заметно дрожало.

— Ты упомянул два дела, — Шэнь Цзинчжэ не поднимал головы. — Какое второе?

— Второе... — Сюй Мо вдруг зашёлся страшным кашлем. На этот раз изо рта брызнула не пара капель крови, а целый фонтан тёмно-алого цвета, окрасивший лохмотья его белой одежды.

Чёрные цепи уже впились в его подбородок. У него не осталось времени.

Однако его голос внезапно изменился. Он не стал слабее, напротив — приобрёл небывалую тяжесть, и каждое слово вколачивалось в воздух подобно железному гвоздю.

— Второе касается всех троих. — Его взгляд скользнул с меня на Шэнь Цзинчжэ, затем на Лю Руянь. — Враги рода Сюй в последние годы вновь активизировались. Они явятся за Сюй Анем. Я изначально планировал выдержать это в одиночку: двенадцать лет назад отправлялся к Восточному Морю испытывать технику письма на морских чудющах, едва не погибнув от обратной волны; восемь лет назад спускался в Бездну Демонов в надежде прорваться на новый уровень с помощью тамошней ци, но после неудачи оставил лишь строку кровавых знаков; пять лет назад искал в чащобах Южных Границ средство против них и едва не сгинул в Лесу Ядовитых Миазмов, затащенный чёрными путами. Я пытался трижды, и трижды потерпел крах. Теперь я знаю — в одиночку мне их не одолеть.

Он сжал мою руку. Его пальцы были ледяными, костлявыми, но хватка по-прежнему не теряла твердости.

— Разве ты не спрашивал, почему я не признался тебе? Есть ещё одна причина — я не смел. Признай я тебя, они бы вышли на твой след по моим шагам. Твой учитель тоже знал об этом, поэтому не позволял мне видаться с тобой. Но теперь это скрывать больше нельзя.

Он разжал ладони и сунул мне в руки свою кисть — треснувшее у основания древко, обугленный кончик.

— Это артефакт, передаваемый в роду Сюй из поколения в поколение. Способность «Слова обретают форму закона» дарована не Небесами, она заложена в крови нашего рода. Ты — восемнадцатый конфуцианский практик семьи Сюй. Ты не просто признанный Небесами Святой, ты — Святой рода Сюй.

Голос Сюй Мо становился всё тише, но каждое слово отчетливо звенело в тишине:

— Теперь я передаю род Сюй тебе. Кисть твоя. Месть твоя. И эта жизнь — тоже твоя. Я больше не могу идти, дальнейший путь тебе придётся прокладывать самому.

Я крепко сжал кисть в ладони, опуская взгляд на густую сетку трещин на древке, на то, как иссохшие, похожие на сучья пальцы Сюй Мо один за другим разжимались на тыльной стороне моей руки.

— Я не приму её.

— ...Что?

— Я не приму её, — повторил я. Мой голос дрожал, колени дрожали, дрожало всё тело, но я всё же договорил до конца: — Ты хочешь, чтобы я взял кисть, взял месть — а как же ты сам? Ты пытался трижды и все три раза потерпел поражение, а теперь просто решил лечь здесь и ждать смерти? Разве ты не говорил, что люди из рода Сюй не могут уснуть, если прошли мимо чужой беды? Так неужели я смогу уснуть сегодня ночью, глядя на то, как ты умираешь?

Ветер проносился над Равниной Белых Костей, издавая глухой заунывный стон, будто где-то далеко рыдали люди. Сюй Мо ошеломленно глядел на меня, и слеза, сорвавшаяся с его ресниц, упала на кости, рассыпавшись на несколько брызг.

А затем он улыбнулся. То была самая нежная улыбка из всех, что я видел за свою жизнь — настолько нежная, что хотелось платить.

— Ты прав, — тихо произнёс он, его тёмно-красные глаза медленно закрывались, а на лице всё ещё держалась эта улыбка. — Но уже поздно.

Цепи из чёрной ци резко сократились. Они поползли вверх от его шеи, перекинулись через подбородок, губы, переносицу и полностью скрыли его тёмно-красные глаза. Синеватый свет погас. Треснувшая у меня в руке кисть окончательно потускнела, и даже тот слабый остаток свечения на кончике пропал. Столб чёрной ци, лишившись сдерживания, с грохотом взорвался, и накопившаяся за три тысячи лет злоба хлынула во все стороны подобно прорванной плотине, мгновенно поглотив серовато-белую равнину в непроглядной пелене тумана.

Сквозь темноту я расслышал, как Лю Руянь зовёт меня по имени. Услышал долгий, чистый звон меча Шэнь Цзинчжэ. Услышал, как яростный ветер проносит мимо ушей стоны бесчисленных душ. Но я не закрыл глаза. Я опустил взгляд на кисть в своей руке — лёгкую, холодную, трещины древка впивались в линии ладони. Кожа Сюй Мо уже потеряла тепло.

И тут в моей голове прозвучал голос. Не золотое сияние Небесного Пути, не вещание ворона, а нечто более древнее и глубокое. словно из самых недр земли, сквозь толщу трёх тысяч лет кто-то произносил слова.

Голос молвил:

— Восемнадцатый из рода Сюй — Сюй Ань. Прими кисть.

Я поднял голову. Золотой свет Небес и чёрный туман злобы сплелись воедино, образовав в небесном разломе восемь иероглифов:

— Восшествие Святого на престол, приказ возобновить волю.

Я не знал этих знаков. Но я знал эти черты. Точь-в-точь как первый иероглиф, которому научил меня Сюй Мо: черта влево, черта вправо — абсолютно одинаково. Первый знак, который он

помог мне написать, был вовсе не «конфуцианец» и не «святой», а «человек».

Черта влево, черта вправо — стоять во весь рост между небом и землёй.

Оказывается, ещё восемнадцать лет назад он передал мне самое ценное сокровище рода Сюй. Не кисть, не закон сказанных слов, не сан Святого — а ту самую руку, что выводит знак «человек».

Я крепко сжал кисть.

Древко было ледяным, но моя ладонь пылала жаром.

<http://bllate.org/book/21206/2146457>